

Книги Ольги Громыко,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Тетралогия
«Профессия: ведьма»
ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА
ВЕДЬМА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА
ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ

ВЕРНЫЕ ВРАГИ
ЦВЕТOK КАМАЛЕЙНИКА
БЕЛОРСКИЕ ХРОНИКИ
ГОД КРЫСЫ. ВИДУНЬЯ
ГОД КРЫСЫ. ПУТНИЦА
КОСМОЭКОЛУХИ
КОСМОПСИХОЛУХИ
(в двух томах)
КОСМОТЕХНОЛУХИ
(в двух томах)

КРЫСЯВКИ
Крысиное житие в байках и картинках

В соавторстве с Андреем Улановым
ПЛЮС НА МИНУС
КОСМОБИОЛУХИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ОЛЬГА ГРОМЫКО

ЦВЕТOK КАМАЛЕЙНИКА

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1005

Художник
И. Воронин

Громько О.
Г87 Цветок камалейника: Фантастический роман.—М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016.— 393 с.: ил.—
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2211-1

Темна и тиха летняя ночь в Царствии Иггровом!
Спите спокойно, отважные обережники, нахальные горцы, надмен-
ные йеры, презренные жрецы, охотничьи кошки, всемогущие боги и
вездесущие зеваки! Спите спокойно, дикоцветные земли, пришлые тва-
ри и первородные лозы! Спите спокойно, ибо не скоро вам в следую-
щий раз удастся выспаться...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2211-1

© Ольга Громько, 2006
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

Честный Автор обязан помянуть тихим незлым словом:

— Яну Бойченко, Марину Гилёву, Владимира Кнари и Юлию Морозову — за самоотверженную ловлю блох;

— Ярославу Кузнецову — за оживших героев;

— Анну Полянскую — за совместные ночные бдения в Царствии Иггровом и философские беседы об овцах.

ПРОЛОГ

...скатились с Ее запястий две капли крови, пали на землю и обернулись семенами. И сказала Она: да станете вы началом начал!

Летопись Предвечная. Предание о камалях

...они напали, как только стемнело. Не стали дожидаться ни полуночной мглы, ни предрассветной сонливости караульных.

Словно хотели не просто уничтожить, но и унижить.

Дозоры, выставленные на подступах к дому, застать врасплох не удалось, но это мало что меняло. Засевшие в рассекреченном убежище были настороже всегда. Идущие к нему в этом не сомневались. Потому и не пытались ни таиться, ни вести переговоры.

К тому же их было больше. Гораздо больше.

Часть пришельцев, пригибаясь к земле, обежала и оцепила здание. Остальные в открытую выстроились треугольником напротив крыльца. Сразу видно — профессионалы: ничего лишнего ни в одежде, ни в слаженных, отточенных движениях. Из доспехов — только легкие ко-

льчуги, оружие — две фьеты в заспинных ножнах черного цвета, означающего, что кромки волнистых клинков смазаны парализующим ядом.

— По велению Иггра Двуетоного, откройте! — стукнув по двери кулаком, зычно выкрикнул командир. Стоявший рядом, однако державшийся отчужденнее горного пика мужчина (единственный, кто пренебрег броней и оружием) брезгливо поморщился. Разумеется, обережникам положено придерживаться устава, но смысла в нем он не видел — проклятые сектанты заслуживали не больше почтения, чем расплодившиеся в амбаре крысы. Вслух же сказал:

— Будьте бдительны, среди них трое «шипов».

— Благодарю за предупреждение, йер Архайн,— почтительно откликнулся командир, хотя по властному тону мужчины было ясно, что участь спутников его ничуть не интересует. Только результат.

— Входим,— скомандовал он, вытаскивая из-за пояса саму собой развернувшуюся плеть. Взмах, синяя трескучая молния — и дверь раскололась надвое. Правая половина выпала наружу, левая, перекосившись, осталась висеть на нижней петле. Командир пнул ее сапогом, с ругательством увернувшись от рухнувшей под ноги доски.

Жала сорока фьет подозрительно уставились в слепящий проем. В пустом просторном зале горели свечи — несколько тысяч длинных и тонких восковых побегов, увенчанных лепестками пламени. На полу и стенах мерцало, переливалось кружево светотени, потолок тонул во тьме — неестественно-белые огоньки не разгоняли ее, а как будто оттесняли вверх.

— Я сказал: входим,— с нажимом повторил йер, и обвившаяся вокруг его запястья плеть начала со зловещим шелестом расправлять кольца.

Командир взглядом велел ближайшему обережнику переступить порог. Ослушаться тот не посмел: боязливо сделал первый шаг, чуть увереннее — второй, а на третьем

кружево у него под ногами колыхнулось, и человек, бес-толково взмахнув руками, упал на спину.

Удар о каменный пол — штука неприятная, но он бы не заставил бывалого воина захлебнуться криком. И уж точно не поползли бы сквозь кольчугу, смешиваясь с тенями, черные вязкие ручейки.

Свечи как ни в чем не бывало продолжали гореть, чуть подергиваясь от корчей насаженного на них тела.

— Проклятье! — Архайн выждал, пока вопли умирающего стихнут, чтобы не пришлось повышать голос.— Эти ублюдки успели провести вторую инициацию.

По светлому и одновременно непроглядному залу сквозняком пронесся издевательский смех, свечи слаженно вильнули язычками, но ни одна не потухла.

Командир поежился. Нет, бояться он не боялся, но задача оказалась сложнее, чем он думал, и требовалось какое-то время, чтобы смириться с ее новым условием.

— Где они ее прячут? В подвале?

— Нет, на чердаке,— так раздраженно откликнулся мужчина, что обережник подумал было: над ним снова издеваются.— Вы что, забыли, как выглядит эта хибара? Четыре глухие пристройки и два ряда окон, а сейчас мы видим только один.

— Но здесь нет ни дверей, ни лестниц...

— Если вы не способны их увидеть, это еще ничего не значит,— перебил йер.— Убейте «шипов», и мороки развеются.

— Я полагал, что убивать невидимое — забота Взывающих... господин,— без особой охоты добавил командир, про себя на чем свет стоит костеря вздорного спутника. Если бы приказ о временном зачислении йера в карательный отряд не исходил от самого Приближенного, он бы всеми правдами и неправдами попытался отвертеться от такого «пополнения». Взывающему-то бояться нечего, а каково простым фьетчикам на жрецов врукопашную идти?! К тому же этот стервец не упустит случая

выслужиться перед дхэрами, настрочив на обережь пространный хулительный донос — по поводу и без оногo.

Архайн презрительно фыркнул:

— Я не собираюсь разбрасываться вверенной мне силой по мелочам.

— А я не собираюсь разбрасываться людьми, — огрызнулся начавший терять терпение обережник. — Почему бы просто не облить дом смолой и поджечь? Этот метод еще ни разу нас не подвел.

Его подчиненные продолжали топтаться у порога, слабо представляя, что они должны делать. Рубить воздух, надеясь случайно задеть врага? Ворваться в дом всей толпой, цепляясь друг за друга, чтобы не упасть? А дальше?

— Чтобы через год опять рыскать по всей стране с высунутыми языками? Нет уж. Пырей надо не скашивать, а выпалывать.

— То есть?

Взывающий не удостоил его ответа — пренебрежительно оттолкнул локтем и вошел в дом, без колебаний направившись к центру комнаты. Обережники вынужденно потянулись за йером, стараясь попадать след в след. Замыкающему приходилось хуже всех: он прикрывал тылы, ступая задом наперед и не имея возможности оглядываться на товарищей. Хотя на самом деле он мало что терял: ловушки жрецов — не слепые зубья капканов, которые поджидают жертв на одном и том же месте.

— Ага! — Архайн с довольной усмешкой положил руку на воздух, и под ней медленно проявился кусок перил с обрывками ступеней. Стоило ладони соскользнуть, как видение подернулось дымкой и снова исчезло. — Вот и лестница. А вот и...

Резкий полуоборот, змеиный выпад плети — и возникший из ниоткуда человек сначала со стоном рухнул на колени, а затем завалился на бок, тщетно пытаясь зажать вспоротый от паха до подреберья живот. В воздухе разлился тяжелый запах крови и требухи, крутящий же-

лудки новичкам и опьяняющий ветеранов. Ближайшему обережнику хватило беглого взгляда, чтобы заключить — одним врагом меньше. Более пристального не последовало и по другой причине: он ошибся. Уже вроде бы обмякший «шип» внезапно взвился на ноги, всплеснул стальными крыльями клинков и снова — на сей раз окончательно — осел на пол в компании еще двух трупов. В зале стало на порядок темнее: часть свечей потухла, остальные беспокойно затрепыхались, приугаснув.

Йер брезгливо посторонился, пропуская прокатившуюся мимо сапога голову, в то время как оправившиеся от шока обережники яростно набросились на мертвого жреца, полосуюя его фьетами. Дураки. Переоценить опасность порой хуже, чем недооценить.

Словно овеществляя его мысли, из теней вынырнули еще два «шипа», без всякого почтения ударив увлекшихся обережников в спины.

Свистнула плеть, но враги тоже умели учиться на ошибках — цель прынула назад, растворяясь в дымном воздухе, а второй жрец махнул в сторону Взывающего рукой, от которой веером разошлось марево. Свечные огоньки жадно потянулись к нему, истончившись до нитей, а коснувшись, растеклись по изнанке, образовав пласт клубящегося огня.

В каком-то шаге от Взывающего пламя словно уколосось о его взгляд, пергаментно завернулось вверх и хлынуло в обратную сторону. Жалобно тренькнуло лопнувшее от жара стекло, полыхнула рама, занавеси, со двора донеслись крики карауливших окно бойцов, попавших под дождь из раскаленных осколков и горящих щепок.

Когда огонь слизал ткань и сыто отполз к карнизу, на полу возле подоконника обнаружился обугленный труп — но не «шипа», а обережника, случайно оказавшегося между жрецом и Взывающим.

Йер наугад перекрестил воздух плетью, покрутил головой, часто смаргивая зудящими от дыма глазами, но

время было упущено — второй «шип» тоже исчез. В зале снова воцарилась тишина, прерываемая тяжелым дыханием уцелевших, сбившихся спинами людей.

— Кажется, одного мы зацепили, — неуверенно пробормотал командир, разглядывая свой клинок. Увы, после подобной неразберихи кровь на нем вряд ли могла служить убедительным доказательством. Скорее, утешением, и то слабым.

— Кажется, чудится, мерещится! — презрительно фыркнул Взывающий, концом рукояти обводя пять распластанных среди свечей тел. — Это тоже?

Обережник стиснул зубы и отвернулся. Если дхэрам так уж приспичило взять эту Тварь живьем, почему они не отправили сюда десяток Взывающих? Пусть бы швырялись ирнами на равных со жрецами, а не разменивали пятерых за одного.

Хотя чего тут размышлять — и так все ясно. Пополнить ряды обережи — да что там, полностью ее заменить! — можно хоть завтра: любой наемник спит и видит, как бы добавить к татуировке ободок, а вместе с ним славу, власть, верное (и немалое!) жалованье плюс премиальные и грабежные. А нового Взывающего надо еще найти, обучить, проверить на надежность...

Унизительно чувствовать себя разменной бусиной, но всяко лучше, чем от темна до темна горбатиться в поле или мотаться по селищам в поисках случайного заработка.

Командир расправил плечи, подавая пример бойцам. Да те и сами уже поняли, что их единственное спасение — в сплоченности и выдержке. Рано или поздно жрецам снова придется высунуться из теней, а плеть йера, как люди уже убедились, била куда дальше реальной длины.

Наступило то мерзкое затишье перед боем, которое изматывает куда сильнее самой схватки. Йер со скучающим видом пощелкивал плетью, сбивая уцелевшие огоньки, как головки одуванчиков. Временами он промахивался, брал слишком низко, и по полу стучали кусочки свечей. Один из них подкатился к ноге командира, и тот

не удержался, наступил. Воск как воск, сплюснулся и прилип к подошве, отскабливай теперь...

Кто сломается первым?

Жрецы не могут *взывать* непрерывно, даже если их возможности после инициации сравнимы с йеровыми. На деле же едва оперившийся слеток сокола не способен тягаться с матерым коршуном, хотя воздушная стихия равно покорна обоим. «Шипы» еще не успели поднабраться опыта ни в Обращении, ни в отнятии жизни — хотя решимости им было не занимать.

А на счету Архайна числилось уже семнадцать таких домов.

Если бы кто-нибудь из бойцов отважился внимательно посмотреть ему в глаза, то не увидел бы там и капли скуки. Страх, впрочем, тоже. Только жуткую, затягивающую в глубь зрачков пустоту, словно душа йера отправилась на поиски сектантов отдельно от тела — если вообще когда-либо в нем обитала.

Из вершинной тьмы донесся приглушенный крик новорожденного — еще даже не плач, а тонкий прерывистый писк.

Он-то и стал сигналом.

«Шипы» атаковали по-волчьи — один словно с толка свалился в середину отряда, заставив его рассыпаться, а там обережников уже поджидал второй хищник. Комната снова превратилась в бойню, ругательства переплелись с воплями, вторя сталкивающимся и вгрызающимся в плоть клинкам, кто-то поскользнулся на крови и упал, крича и отчаянно барахтаясь, как перевернутый на спину жук. Жрецы металась между людьми, нападая и тут же отступая, так что ответный взмах клинка частенько ловил соратник, в свою очередь машинально возвращавший удар.

На сей раз йер почему-то не спешил бережи на помощь. То ли опасался задеть своих (что весьма сомнительно), то ли боялся, что заденут его, то ли...

— Где ты... — едва шевельнул он губами, неспешно, с закрытыми глазами поворачиваясь на месте. По расправленной и опущенной плети время от времени пробегали волны, как по загровку гончей, принимающей к мешанине заячьих следов.— Где же ты, мерзавец?

Обережь нетрудно заставить играть в салочки с теми. Но не йера.

Рука Архайна взвилась вверх, на полувзмахе останавливая рвущийся к его шее клинок.

— А как насчет честного боя? — через плечо прошипел он жрецу в лицо.

— Не с вами,— с неподдельной и совершенно неуместной в подобный момент грустью покачал головой тот, так легко выворачиваясь и исчезая, что пальцы Взывающего, еще мгновение назад сжимавшие запястье сектанта, глубоко впились ногтями в собственную ладонь.

В комнате скачком стало на порядок темнее. Обережники медленно, недоверчиво расступились, таращась на тело второго «шипа» — вернее, жуткую мешанину истекающих кровью кусков и лохмотьев.

— А еще один где? — тупо поинтересовался кто-то из обережников.— Вот токо что ж двое было...

«Нет, вы *видели* двоих, а это опять-таки далеко не то же самое»,— мог бы ответить Архайн, раздраженно промакивающий платком полукруглые ранки на ладони. Но не стал. Жрец уже был у него в прямом смысле слова в руках, а он так глупо его упустил!

— Эй! — Изумленный возглас командира обратил всеобщее внимание на полупрозрачный, мерцающий призрак лестницы, безо всякой опоры висящей между полом и потолком.

— Туда.— Архайн первым, на одном вздохе взбежал по ступеням. От его ног волнами расходилась реальность, возвращая лестнице деревянную плоть.

Двое поредевшая, но столь же приободрившаяся обережь без заминки последовала за ним. Командир еле успел затормозить, чтобы не врезаться йеру в спину, и

был вознагражден чередой тычков в свою собственную — подчиненные оказались не столь расторопны.

— Что-то здесь не так, — вполголоса заметил Архайн, обращаясь к единственному достойному собеседнику — себе самому. — Ну-ка...

Обережники послушно попятились. Самые предусмотрительные — до конца лестницы.

Эту дверь йер хлестать не стал. Напротив: очень вежливо, одними костяшками, постучался, вслушался — и внезапно отшатнулся влево, вжавшись спиной в перила.

Предусмотрительность окупилась сполна. Сквозь дверь (вернее, прикидывающуюся ею тень) со скрипом цепей пролетело подвешенное на них бревно, разmozжив голову одному из бойцов и сметя еще троих. Качнуться обратно Архайн ему не дал — будто играючи шлепнул по мелькнувшему перед лицом торцу, и тяжелая чурка, порвав звенья, с такой силой врезалась в стену и загрохотала по полу, что дом содрогнулся до самой трубы.

Других ловушек при входе не было. По крайней мере, искать их йер предоставил обережи, сделав приглашающий жест, но сам не двинувшись с места.

Что ж, этот враг оказался ей вполне по зубам.

Старика в скромном сером одеянии, с посохом на изготовку стоящего на пороге, бойцы просто затоптали, первым же ударом сбив с ног.

Следующими сложили головы трое вооруженных фьетами мужчин — хорошей, но безнадежно проигрывающей профессионалам выучки. Впрочем, одного обережника они с собой прихватили, еще пятерым оставив метины на всю жизнь.

Больше всего хлопот доставили две девушки, атаковавшие пришельцев с яростью защищающих логово корлиссов. Жрицы сражались в паре, как единое двуглавое, четверорукое, убийственно проворное существо, и отправились к Темному Иггру с разницей в один вздох, в обмен выторговав у обережи пять жизней.

Йер не вмешивался. Прислонился боком к косяку, откровенно любуясь резней. Свечи горели и здесь, тени и силуэты сплетались, перетекали друг в друга в завораживающем танце под пение стали и аккомпанемент смерти.

А затем снова появился «шип». Луч мглы в царстве сумрака, устремленный к главному врагу и словно бы походя прорубающий кровавую просеку в остальных.

Архайн ухмыльнулся и выпрямился. Они *никогда* не убегали. Даже оставаясь в одиночестве против десятерых. Даже десятерых йеров. Дурацкая вера, дурацкие принципы... дурацкая смерть.

Глаза в глаза. Клинок против плети. Крик ломающейся стали, безмолвное падение тела, собачья свора обережников, кидающаяся на подстреленного охотником зверя... и самым громким звуком в комнате стал доносящийся из колыбели плач.

В иное время сектанты не пожалели бы золота и драгоценностей на ее отделку, но сейчас проклятому отродью пришлось довольствоваться простой деревянной зыбкой, растрескавшейся и обшарпанной. Возле нее застыл высокий нескладный юноша, почти мальчишка — только только усы проклюнулись. Жреца била крупная дрожь, бисеринки пота на лбу быстро разрастались до капель и стекали по щекам, мешаясь со слезами. Занесенный над кисейным пологом стилет казался еще одной свечой, вопреки природе тянущейся язычком к полу.

— Бросай оружие! — повелительно крикнул командир, фьетой указывая на пол в центре чердака. Мельком подумалось: «А ведь мой средний не намного старше этого дурня. Самый ершистый возраст, такому сектантам голову задурить — раз плюнуть». — И, возможно, Приближенный проявит милость и сохранит тебе жизнь!

Парень всхлипнул, зажмурился и ударил.

Стилет вскользь царапнул боковину, раскачав колыбель. Жрец медленно завалился на спину, почти молит-

венно прижав руки к груди, а на деле вцепившись окровавленными пальцами в пенек стальной стрелки.

— Ну хоть какая-то от вас польза,— ворчливо бросил йер, покосившись на опускающего мыслестрел обережника.— Синея бил?

— Да, господин, как вы и...

Архайн, не дослушав, подошел к колыбели. Оценивюще склонил голову к плечу.

— Надо же. Даже не верится, что такое ничтожное существо может доставить столько хлопот...

— Это она? — Командир повернулся к нему, но с места не тронулся, левой рукой сжимая правое предплечье над глубокой раной, в ожидании, пока один из бойцов наскоро ее перевяжет.

Йер, сунув плеть за пояс, бесцеремонно поворошил рукой пеленки. Плач сменился негодующим вяканьем.

— Без сомнений. И сегодня я припас для нее кое-что новенькое...

Архайн нагнулся за стилетом, повертел в руках, хмыкнул и сунул за пояс. Выходит, у сектантов еще кое-что сохранилось от былых богатств... будет чем щегольнуть на ближайшем приеме.

Взамен йер вытащил из сапога черные ножны и, держа их перед глазами, так осторожно потянул за короткую яшмовую рукоять, словно опасался, что клинка за ней нет, а из открывшейся щели ему под ноги посыплется взбешенные скорпионы.

Но золотистое, словно вырезанное из янтаря лезвие было на месте. Хотя, строго говоря, не имело ничего общего ни с «морским медом¹», ни со сталью. С тем же успехом оно могло принять вид флакона с опалесцирующей жидкостью, шершня в миниатюрной клетке или вообще остаться незримым. Однако дхэрам почему-то показалось забавным придать ему именно эту форму. Важно другое — с момента его освобождения у Взыва-

---

¹ «М о р с к о й м е д» — янтарь (*местн.*).

ющего было всего пять ударов сердца, чтобы указать «клинку» цель. Иначе тот выбрал бы ее сам... и вероятнее всего — ближайшую.

Плач оборвался. Йер еще с минуту постоял у колыбели, видимо, ожидая какого-то подвоха, потом с заметным разочарованием выдернул и спрятал побуревший клинок обратно в ножны. Для верности не помешало бы...

— Фьету, — скомандовал он, не глядя протягивая назад ладонь, в которую тотчас вложили теплую и липкую рукоять.

Один уверенный удар — и Взывающий брезгливо отбросил оружие (вряд ли кто-нибудь осмелится его, оскверненное, подобрать) и отвернулся от колыбели.

— Все, — холодно сообщил он. — Эта была последней.

Йер неожиданно пошатнулся, вскидывая руку к виску, но, когда сразу двое обережников бросились ему на помощь, выровнялся и с руганью отмахнулся плетью.

— Пошли прочь, недоноски! Я вам не барская дочка, чтобы падать в обморок от вида крови!

«Да кому ты нужен, Иггрова отрыжка, — ясно читалось в глазах попятившихся бойцов. — Но кабы вовремя не подхватили — еще громче орал бы».

К огромному сожалению Архайна, на боевую бережь, элитный храмовый отряд, его власть не распространялась. Взывающие занимали более высокое положение в обществе и связываться с ними в открытую побаивались, но и они и бережь подчинялись одним хозяевам, формально считаясь равными. Разве что и в самом деле донос какой настрочить...

Впрочем, у йера было на ком отыграться — последний «шип» еще с трудом хватал ртом воздух, пытаясь протолкнуть его в костенеющую грудь. Удар плети превратил лицо в кровавую одноглазую маску, яд медленно и неминуемо завершал проделанную фьетами работу. Жрец вряд ли уже что-то чувствовал, но победитель все-таки не утерпел и пнул его в развороченный клинком бок.

— Ну и чего вы добились на этот раз? — доверительно, чуть ли не сочувственно прошептал он, склоняясь к умирающему.— Восемь дней! В прошлый раз было всего шесть, в позапрошлый — десять! Когда ж вы наконец поймете, что ваши жалкие старания изначально обречены на провал?!

Ответа он не ожидал. Тем более таким спокойным, словно бы даже насмешливым тоном:

— Если не стараться, то незачем и жить — но тебе этого тоже не понять, клещ. Она все равно придет. Вам ее не остановить.

— Мы уже ее оста... — Йер осекся и выругался: последнее слово, призванное окончательно втоптать врага в грязь, осталось не за ним. Жрец не дышал, жилка на шее вздрагивала все реже и слабее.

После секундного колебания Взывающий присел на корточки и нетерпеливо тряхнул светлой гривой волос, через голову стягивая с шеи тонкую серебряную цепочку.

— Нет, дорогой мой,— гадостно ухмыльнулся он, и над грудью «шипа» маятником закачался хрустальный кулон.— Так просто ты от меня не уйдешь!

Воздух в комнате ощутимо сгустился, заскребся в ушах испуганными тараканами. Обережники неуклюже застыли кто где стоял, шел или даже отхлебывал из фляги (так двумя струйками по бороде и потекло), дружно уставившись в пол-потолок и про себя взывая к светлому лику Иггра, дабы не попасться на глаза Темному.

Тело жреца изогнулось высокой и неестественной, до хруста костей, дугой. Затрепетало, забилось в тщетном усилии не то оттолкнуть, не то коснуться кристалла, а когда йер, выждав положенное время, резко отдернул руку,— мешком упало на пол.

— Прекрасно,— прошептал Архайн, замороженно разглядывая поселившееся в глубине хрусталя марево.— День прожит не зря... а сколько их еще впереди!

Последняя свеча растворила огонек в сизой нитке дымка, потянувшегося к дверному проему. Йер с дово-

льным смешком подбросил кристалл на ладони, круто развернулся и вышел из комнаты, не обходя ни лужи крови, ни распластанные, еще шевелящиеся и стонущие тела. Своих или чужих — его совершенно не волновало. Задание выполнено, и награда не заставит долго себя ждать.

После его ухода обережники, не стовариваясь, шумно выдохнули и расползлись по дому, роясь в вещах и обыскивая трупы. За браслет одного из теней тут же началась потасовка — бурная, но беззвучная, дабы вмешавшийся командир вообще не отобрал побрякушку.

А тот, закончив с перевязкой, все-таки приблизился к колыбели, заглянул и тут же изумленно отшатнулся.

Под серебристым пологом на испятнанной кровью перине лежал малиновый, рассеченный надвое бутон.

ГЛАВА 1

...с сего дня повелеваем всячески поощрять развитие гильдии охотников: товары в оружейных лавках продавать им со скидкой, в города пускать беспошлинно, налоги брать только с глав, а те уж пусть сами за порядком присматривают...

*Игрова воля от седьмого дня второго
месяца Увядания 303 года*

На людей даже Двуетдиному не угодить. Всю весну ныли, что на улицу без плаща не выйти, а стоило солнышку припечь по-летнему, как уже через неделю начали ставить ему в пример давешнюю промозглую хмарь с непрерывной моросью.

ЭрТар из-под козырька ладони прикинул расстояние до города и, со вздохом развязав рукава обернутой вокруг бедер айсты¹, натянул ее на потное тело. Смуглую кожу горца не страшил даже полуденный зной, да и на правила приличия ему было глубоко плевать, но в одних штанах (и уж тем более без них) его могли принять за раба или нищего, коих в Орите было великое множество, и забавы ради вытянуть плетью вдоль хребта. Так что, увы, придется потерпеть.

Тишш уныло плелся следом, по-собачьи высунув язык. Пружинящая походка кошака стала до того угловатой, что больше напоминала хромающую, кончик хвоста клонился к земле, как чахнувший пшеничный колосок, но, коснувшись ее, неизменно отдергивался. И коротко остриженную шерсть, и свисавшие по обе стороны хребта сумки густо покрывала дорожная пыль, еще позавчера бывшая грязью.

Не жаловалась только природа: желтый крап одуванчиков жадно впитывал солнечные лучи, становясь гуще

---

¹ А й с т а — длинная льняная рубашка с разрезами до пояса по бокам, спереди и сзади и черным орнаментом по подолу и краю ворота; горская национальная одежда.

с каждым часом. Черноволосая смуглянка в платье из некрашеного полотна собирала пахучие солнышки в корзину, аккуратно обрывая стебли у самой земли — чем длиннее они, тем дороже. ЭрТар белозубо улыбнулся, девушка, смутившись, хихикнула в узкую, перепачканную пылью ладошку, но заводить знакомство не желала, отвернулась. В траве мельтешили скворцы, выклеывая из дерна жирных белых личинок. На полого уходящем вверх холме по другую сторону дороги привольно раскинулось лоскутное одеяло возделанной земли: сугробы цветущих садов, бисер картофельных всходов, частоколы обвитых хмелем и виноградом опор, щетина злаков и редкие дыры непаханых наделов с тусклой порослью сорняков — видать, хозяин съехал или не сумел оплатить ирну.

Тишш ткнулся в хозяйскую ладонь сухим и шершавым, как хлебная корочка, носом. Парню лень было даже пальцами в ответ пошевелить, и кошак принялся разочарованно прихватывать их кончиками клыков.

— Другие, между прочим, — язвительно напомнил ЭрТар, отмахиваясь, — на вас еще и ездят, а не только поклажу возят.

Дымчатый кис обиженно муркнул и отстал. Вообще-то корлисы не годились для верховых прогулок — слишком быстро выдыхались. Оседлывали их больше ради развлечения и разминки, да еще на скачках по праздникам.

Впрочем, путь мог стать еще дольше, если бы какой-то добросердечный селянин на телеге — он не назвался, а парень не стал расспрашивать — не подвез горца до пригорода, заставив расплатиться выслушиванием нудных разглагольствований о будущем урожае и еще более пустопорожных жалоб на дороговизну полевых и скотных ирн. Поскольку масляная ряха мужика расползлась едва ли не шире плеч, за время разговора успев сжевать целое кольцо сушеной колбасы, прибеднялся он неубедительно.

К сожалению, на развилке телега свернула с тракта, и остаток пути, примерно шесть выстрелов¹, пришлось молотить пыль на своих шестерых с половиной — если считать Тишшев хвост.

Других дураков путешествовать в такое пекло не было, как и очереди на вход в город. Прекрасно.

ЭрТар подозвал корлисса, поймал волочащийся за ним повод и намотал на руку. Намордник надевать не стал — правилами дозволялось подвесить его к ошейнику и самому решать, склонен ли кошка цапать прохожих (а хозяин соответственно оплачивать цапнутое). Горец крепко сомневался, что Тишш вообще умеет кусаться, но совсем без намордника в равнинные поселения не пускали, а у входа в общественные заведения его требовали застегнуть.

Ориту, как и все древние города, окружала диковинная стена из многослойно переплетшихся и слившихся прутьев толщиной с хороший тополь. Снаружи и поверху она щетинилась шипами длиной с руку (на которые в воспитательных целях насаживали преступников), а внутри поражала зеркальной гладью шлифовки. Дхэры то ли утратили секрет создания подобных оград, то ли это было чересчур трудоемко, но возникающие в них дыры латались обычными камнями и цементом, из-за чего издали стена выглядела как сорочье гнездо, обмазанное глиной поверх прутьев.

Створки ворот, хоть и пристегнутые к стенам двусторонними крюками, все равно умудрялись уныло поскрипывать на ветру. Проем перегораживала жердь на рогаatinaх, возле которой несли караул два обережника: бывалый вояка со щетинистой разбойничьей рожей и молоденький, еще безусый парнишка, державший высокое копьё-двойчатку как святыню. Последний, выпятив то-

---

¹ В ы с т р е л — расстояние, на которое бьет боевой лук. Примерно 400 шагов.

щий кадык, напряженно следил, как путник приближается к заветной жерди-границе.

— А ну, становись для досмотра! — с положенных семи¹ шагов гаркнул юнец, безуспешно пытаясь придать ломкому голосу надлежащую строгость. Его напарник только лениво поскреб голову под шлемом и, надвинув его обратно, вразвалочку поплелся к горцу.

— Ну куда идешь, чаво везешь? — заученно пошутил-осведомился он.

ЭрТар молча сунул подошедшему обережнику загода приготовленную и развязанную грамоту, лишая надежд на торговую пошлину. Парнишка разочарованно отхаркался и сплюнул — видимо, полагая, что это выглядит невероятно мужественно, — и отвернулся в сторону города.

— Ага... эге... хм... — Обережник с таким умным видом изучал бумагу, словно умел читать. Подлинная, но из-за рассеянности чиновника поставленная вверх ногами печать ввела в заблуждение уже не одного проверяльщика: лицензию они держали соответственно ей, а не буквам. — Головокрут, значит...

— Охотник.

— Ну-ну... у самого еще хвост не отвалился, а туда же!

Молодой гнусаво загоготал. На и без того худом лице ЭрТара резко обозначились скулы, но отвечать на бородатую в три оборота и такую же дурацкую шутку он посчитал ниже своего достоинства. Только тряхнул головой, отбрасывая за спину вычурно заплетенную — две пряди белые, три черные — косицу. Короткая, до лопаток — значит, кто-то из родичей горца не так давно умер. Узкая ярко-алая лента означала главу рода, выкрашенный рыжим кончик — холостяцкое положение, вплетенная в черную прядь нитка — возраст между двадцатью одним

---

¹ В Царствии Игровом принята десятиричная система счисления, однако семерка считается божьим числом и соответственно «круглым», часто используя в подсчетах.

и двадцатью восемью годами. Знающий человек еще много бы чего по ней определил, но, как ЭрТар уже убедился, знания предпочитали обходить стража ворот стороной и на цыпочках.

— А чего, в горах козлы кончились? — откровенно придирался он, решив если не нажиться, так развлечься.

— Здесь их всяко больше, — огрызнулся охотник, потянувшись за бумагой, но мужик, продолжая разыгрывать из себя грамотного, глумливо ее отдернул.

— Я спрашиваю, какого... ты, скотник, в головокруты подался?

— В обережь не взяли — сказали, слишком умный, — огорченно развел руками горец, на сей раз изловчившись схватить и выдернуть лицензию.

Обережник старательно, за недостатком извилин, морща лоб, подумал и, судя по багровеющему лицу, пришел к правильному выводу. Увы, слишком поздно: мимо ворот проходил дхэр. Поднимать при нем шум из-за ерунды стражи не осмелились, вытянулись в подобострастные струнки. ЭрТар, напротив, потупился и скрючился — не то полупоклон, не то в поясицу кольнуло.

Дхэр привычно не обратил на людей ни малейшего внимания, неспешно проскользлив-прошуршав мимо. Из-под темно-бордовой, ниспадающей до самой земли мантии с капюшоном виднелся кончик чешуйчатого, непрерывно шевелящегося хвоста, оставлявшего извилистую полосу в пыли.

ЭрТар, выдержав положенную дистанцию, пристроился ему в тыл. Обережнику только и осталось скрипеть зубами от злости, а там и ругаться в голос — когда обнаружилось, что, пока он препирался с горцем, корлисс тишком задрал хвост у его новехоньких сапог, так что ходить в них теперь можно только по свинарнику. Да и то хрюшки будут подозрительно принюхиваться.

Пройдя квартал, горец с кошаком отстали от дхэра и свернули на параллельную улочку — ЭрТар, как любой нормальный человек, не любил Божьих Глашатаев и та-

щиться за ним до самой площади не собирался. Конечно, можно его и обогнать, но Иггр знает, как дхэр на это посмотрит: даже не заметит или найдет какую-нибудь заразу, потом год будешь лечиться. Смолчит-то в любом случае: осаживать нахальных бродяг ниже его достоинства, к тому же подобная неопределенность — пронесло или нет?! — обеспечит наглецу нервотрепку на несколько недель, что куда действеннее простой ругани.

Город ЭрТару понравился: чистенький, зеленый, булыжная мостовая горочками виляет вверх-вниз. На карнизах ворковали горлицы, пахло свежим хлебом и водой — Ориту пересекала речка в пять Тишшевых скоков шириной, выныривая из-под земли в южном конце города и снова уходя в ее недра перед западными воротами. Ни водорослей, ни рыбы в ней, разумеется, не водилось — вода была ледяная, кристально прозрачная, с гудящим от усердия течением. Судя по отвесным рифленным берегам, раньше она стояла куда выше, с каждым годом спадая примерно на палец. По обеим сторонам русла через каждые семь шагов поскрипывали журавли наподобие колодезных, с каменными противовесами, чтобы даже ребенок без труда мог наполнить ведро. Вот только не проще ли поднять уровень реки? Не поймешь этих дхэров — такое ощущение, что им легче творить, чем чинить. Впрочем, до полного обмеления еще далеко — дна, как ни щурься, не видать.

А еще ЭрТар слышал, что в Орите самые высокие ставки за отстрел. Что ж, проверим!

После довольно долгого, частично бесцельного и ознакомительного блуждания по улицам горец забрел в квадратный проходной дворик, из арки которого просматривалась главная площадь с неизменным храмом Иггру, где молился простой люд, и святилищем за высокой оградой — обителью дхэров, общавшихся с божеством куда теснее. Полуденная проповедь как раз подошла к концу, и из главных дверей храма валом валил народ. Кое-кто отделялся от толпы и пристраивался в хвост

немалой очереди у черного входа, где двое парнишек в серо-зеленых мантиях Внимающих¹ записывали молитвы верующих и взимали плату за ирны.

В холодке арки четверо оборванцев (такие маленькие, а уже такие смышленные! — умилился ЭрТар) целеустремленно «раздевали» в «кукушкины гнездышки»² богатенького папиного сынка годом-двумя старше. Все карманные деньги он уже продул и теперь ставил на кон расшитые бисером сандалеты. Поочередно, что означало лишь минуту отсрочки печального финала. При виде охотника с корлиссом компания бросила игру и застыла с восхищенно приоткрытыми ртами.

— Эй, мелюзга! — ЭрТар заговорщически подмигнул ребятам. — Где глава здешней гильдии живет, знаете, ннэ?

— Вон, за храмом! В том доме с желтой крышей! У которого большая собака под воротами спит! — после благоговейного замешательства наперебой загалдели мальчишки. — Только его там уже нет!

— А где есть?

— А-а-а-а... н-на коте прокатишь? — запинаясь от собственной наглости, пискнул самый младший, лет шести. — Тогда покажу!

— Влезай! — рассмеялся горец. — Хотя тебя и обычная кошка должна свезти.

Старшие ребята загоготали и заулюлюкали, перебрасываясь более чем взрослыми шуточками, но смутить уличного босяка не так-то просто. Мальчуган торопливо, пока горец не передумал, подскочил к корлиссу, схватился одной рукой за ошейник, второй за навьюченные на кошака сумки и, подпрыгнув, навалился животом на мохнатую спину. Барахтающиеся в воздухе ноги вызвали новый всплеск уличного остроумия. Богатейчик под шумок цапнул свои сандалеты и был таков. Увлеченная редкостным зрелищем шпана даже не стала его окликать.

¹ В н и м а ю щ и й — младший храмовый служака.

² «К у к у ш к и н ы г н е з д ы ш к и» — аналог наперстков, используются маленькие плетеные чашечки.

Тишш мученически — детей он терпеть не мог — уставился на хозяина двухцветными глазницами, но покорно позволил себя оседлать. Только хвост из стороны в сторону хлестал.

— Ну показывай, — с усмешкой напомнил ЭрТар, когда пацан прочно угнезвился на кошке.

— Туда! — ткнув пальцем, звонко велел мальчишка, что почему-то вызвало издевательский хохот остальных ребят, тем не менее проводивших корлисса завистливыми взглядами и залиvistым свистом.

Малец, быстро освоившись, вертелся во все стороны, подпрыгивал, колотил кошака по бокам босыми пятками, махал руками и показывал нос встречной шантрапе; короче, всячески наслаждался жизнью. Они прошли-проехали центральной аллеей тенистого каштанового парка, свернули в узкий и грязный переулок, снова выбрались на широкий «приличный» бульвар, по которому под ручку прохаживались парочки, шарахающиеся от кошака (мальчишке это доставляло огромное удовольствие), пересекли рынок и помойку, полюбовались городской достопримечательностью — улицей Высокородных, где каждый дом, сверху донизу изукрашенный росписью и лепниной, представлял собой произведение искусства. Подходить к ним ближе двадцати шагов или тем паче останавливаться не разрешалось, да ЭрТар и не собирался.

Горцу уже начало казаться, что сейчас они упрутся в противоположные ворота Ориты, когда мальчишка наконец ткнул пальцем в стиснутую двумя домами едальню, спрыгнул с Тишша и дал деру.

ЭрТар удивленно проводил мальчишку взглядом... и обнаружил, что находится с другой стороны давешней площади. Рассмеявшись, парень беззлобно покачал головой. Сам таким был.

Тишш встряхнулся. «От этих детей одни неприятности», — выразительно говорила медленно приглаживающаяся шерсть.

— Да ладно тебе, кис. Не надорвался же.

Кошак фыркнул и двинулся вперед, мазнув боком по хозяйской ноге — не то потерялся, не то пихнул.

— Эй, эй, а намордник?! Вот так-то лучше.

Над входом в едальню висела жестяная вывеска в форме рыбы, по боку которой шла надпись: «Упрямая вобла». Вид у покровительницы заведения был соответственный — унылый и мятый, как будто ею долго колодили о стол, а потом с досадой бросили на пол и истоптали ногами. Из приоткрытой двери тянуло холодом и чем-то на редкость неаппетитным. Заходить туда совершенно не хотелось, и, как вскоре выяснилось, не одному горцу — едальня была практически пуста.

Главу оритской гильдии охотников ЭрТар обнаружил за самым дальним столиком: влиятельное лицо двухдневной небритости печально утопало в глубокой миске, окруженной десятком пустых кружек и одной на четверть заполненной мутным, давно выдохшимся сквашем. Горец потоптался рядом, прикидывая, потрясти его за плечо или достаточно будет кашлянуть, но тут глава тяжело приподнял голову, наполовину разлепил опухшие веки и прямолинейно поинтересовался:

— Выпьешь?

ЭрТар замялся — равнинную брагу он не любил, однако другой здесь все равно не подадут. Горец кивнул и сел напротив.

— На! — Глава щедрым жестом придвинул к нему кружку с опивками и снова рухнул в тарелку. Жареные орешки с шуршанием сыпанули через край и раскатились по столу.

— Потрясающе, — мрачно сказал горец, подбирая одно ядрышко и кидая в рот. Тьфу, гадость, наперчены до самовозгорания!

ЭрТар раскашлялся, хлопая себя по груди. К столу немедленно порхнул хозяин едальни, белым передником, колпаком и рукавниками напоминавший раскормленную моль, и с надеждой осведомился:

— Это ваш друг, господин?

— Нет,— отрезал парень, не желая рассчитывать за чужие возлияния.— Я вообще впервые его вижу!

Чистая правда, между прочим.

Хозяин помрачнел и кисло поинтересовался, чего гость изволит. Просить чистой холодной воды было неловко, и охотник молча кивнул на кружку со сквашем. Наученный горьким опытом мужик не двинулся с места, пока не получил бусину вперед и не попробовал ее на зуб — под безмолвное пожелание оный сломать.

Еще чуток полюбовавшись на главу, горец протянул руку и осторожно приподнял ему веко. Безнадежно. Кто же теперь подпишет лицензию? Денег у охотника осталось или на ночлег, или на хороший ужин, а хотелось, разумеется, и того и другого.

ЭрТар уныло подпер щеку ладонью и побарабанил пальцами по столу. Тишш тут же насторожил уши и заинтересованно потрогал лапой доску с другой стороны.

— Тебя только не хватало,— проворчал горец, легонько пихая корлисса носком сапога. Кошак немедленно прихватил лапой его ногу, еще и цапнуть через намордник попытался.— Шесть лет, а ума как у котенка! Эге, спасибо...

Принесенный горцу скваш отличался от предложенного главой только количеством, на вид и запах такой же мерзкий. Такое впечатление, что он не перебродил, а протух. ЭрТар все-таки сделал несколько глотков, и жажда перешла в тошноту. Парень нерешительно поглядел на своего несостоявшегося знакомого, начавшего протяжно похрапывать. Похоже, до вечера тормозить его бесполезно.

— Знаешь, кис...

Тишш любопытно потянулся к опущенной под стол кружке, сморщил нос и расчихался.

—...на твоём месте я бы не стал требовать свой паек в этом заведении. Если они даже людям такое подают...

Кошак разочарованно шикнул, задом выбрался из-под стола и с оскорбленным видом направился к выходу.

Горец поставил почти полную кружку возле руки главы — во радости будет, когда проснется! — и поднялся. Хозяин, не сводящий с них подозрительного взгляда, раздраженно наяривал полотенцем по засиженной мухами стойке. Потрявоженные насекомые с сердитым жужжанием кружились под потолком, не обращая внимания на грязные, почти не пропускающие света оконные стекла.

Тишш, съезжившись, проскользнул у ноги так кстати открывшего дверь посетителя и под его испуганную брань был таков. ЭрТар тщательно задвинул стул (горцы считали, что на освободившееся место может усесться шмар, мятежный дух убитого тобой врага, который только и ждет очередного седока, дабы завладеть его телом и снова строить против тебя козни) и улыбнулся, представив толпу разочарованно взывших шмаров. Не то чтобы он действительно в это верил, но рисковать не хотелось.

Новый посетитель осмотрелся и правильно оценил (по крайней мере, так ему показалось) ситуацию: заезжий охотник щедро проставился главе гильдии и теперь с чистой совестью отправляется на поиски работы. А она уже сама его нашла!

— Эй, сорока!

ЭрТар поморщился. Мужик окликнул его добродушно, с ухмылкой, но равнинное прозвище горцев корбило слух само по себе.

— Ты как, не прочь поразмяться?

Горец неопределенно хмыкнул. Покаяться и предложить заглянуть завтра? Для рачительного хозяина каждый день дорог, он лучше другого охотника поищет. Да и кушать уже сегодня хочется.

Далеко не все земледельцы соглашались нанимать «крыс»¹, хоть это и обходилось дешевле. Но если гильдия прознает, то в следующий раз взвинтит цену на отстрел вдвое, на все возражения холодно отвечая: «Ну так вы же в прошлый раз сэкономили!».

---

¹ «К р ы с ы» — штрейкбрехеры.

Самому ЭрТару ссориться с коллегами тоже было не с руки — он собирался задержаться в Орите на несколько недель, а то и на весь сезон. Подумаешь, поговорит с главой завтра утром...

— По две серебряных за голову и одну сверх за каждую седьмую. — Наниматель, похоже, решил, что дело уже сладилось, осталось только обговорить детали. — Идет?

— За каждую третью, — машинально поправил все еще колеблющийся горец.

— Уговорил, — ослабился мужик. — Да ты, гляжу, парень не промах! Промышлял уже в наших краях?

— Друзья подсказали, — сознался ЭрТар. И не прогадал: мужик басисто расхохотался, хлопнул охотника по плечу и услужливо распахнул перед ним дверь.

Тишш, успевший лапами скovyрнуть намордник, поджидал у порога. При виде чужака кис настороженно попятился, пропустил людей далеко вперед и, вприпрыжку нагнав хозяина, пристроился у его ноги.

— Картинку-то покажешь? — уже за воротами спохватился мужик.

Что ж, святое право нанимателя. ЭрТар оттянул широкий ворот, обнажая плечо с татуировкой — кошка, подбивающая лапой мотылька. Рисунок чистый, застарелый, внушающий доверие.

Мужик удовлетворенно кивнул и потащил горца дальше, к запряженной сивым ящерком двуколке.

ЭрТар на ходу поправил айсту. А его знакомец не так-то прост. Тварюшка в оглоблях жилистая, породистая, на таких картошку не окучивают. Вот поля от рассвета до заката объезжать — самое то. Ладони же у мужика широкие, заgreбущие, но без мозолей. Глянуть бы, что у него самого на плече. Горец почти не сомневался, что татуировка там не одна. Скорее всего, зеленые вилы¹, а пониже — такие же бусы². Если бы в богатой семье

¹ З е л е н ы е в и л ы — знак землепашца.

² Б у с ы — знак богатого землевладельца, на которого работают батраки или рабы.

родился, так запросто с простым охотником не болтал бы. Выходит, сам недавно из пахарей в землевладельцы выбился.

— Большой надел осеняешь?

— Э? — Мужик так смачно плюхнулся на сиденье, что двуколка завихляла из стороны в сторону. Ящерок фыркнул и поднялся на задние лапы, изготавившись к бегу.— Да нет, мил-человек, земли-то и впрямь много, да мой там от силы пять шагов на погосте. Управляющий я. За батраками и рабами приглядываю, ну и распоряжаюсь по мелочи. Что, разочарован?

ЭрТар отрицательно помотал головой, усаживаясь рядом. Чужих денег не так жалко, поэтому приказчики обычно куда щедрее хозяев. Бывает, сами подбивают смету зависить, а разницу поделить.

Ящерок с места взял в галоп, размеренно балансируя длинным острым хвостом. Горец стукнулся лопатками о жесткую спинку и запоздало вцепился в резной бортик.

— И много их там, ннэ?

— Кишмя кишат.— Мужик натянул вожжи, придерживая скотинку. Ездить по городу быстрее бегущего человека разрешалось только пожарникам, бережи да йерам.— И когда только расплодиться успели! На поле уже ступить боязно, все в лежках.

— Хэй-най, больше целей — легче попасть! — ободрил его ЭрТар, поглядывая, где там Тишш. Кошак, снова высунув кончик языка, трусил слева от повозки, стараясь держаться в ее тени. Число лежек еще ни о чем не говорит, их может быть много вдоль дороги и ни одной — в глубине поля.

К огромному удовольствию горца, дальше его наниматель осторожными намеками, а там и прямым текстом завел речь о вышеупомянутых приписках. Грех не пойти навстречу хорошему человеку!

ГЛАВА 2

Поле-полюшко раздольное,
Я ль тебя зерном не потчевал?
Не поило ль небо дождиком?
Не светило ль солнце жаркое?
Йер ли ирной не задабривал?
Одари ж и ты нас хлебушком!

Песня жнеца

В господский дом охотника, разумеется, не пустили— невелика птица, посидит до темноты и в халупке¹. Оно даже лучше вышло: домик был просторным и чистым, хозяева прислугу не обижали, и некоторые рабы вели себя даже вольнее наемных работников, отличаясь от них только грубо заклепанными браслетами. Самодельный скваш, которым радушно попотчевали гостя, оказался на порядок вкуснее трактирного, и то разливавший его по кружкам старик сокрушался, что сусло в этом году отчего-то еле бродит, так и норовя заплесневеть.

Вечером в халупке стало еще веселее — вернулись полевые рабочие. По их словам, чуть живые, но уже через полчаса, после ужина, кто-то вытащил из сундука жайру-трехструнку; сначала просто тренькал, негромко подпевая, потом к нему присоединились девчонка с бубном и хмельной дедок, отбивавший ритм ложкой по ведру. Дом наполнился плясовым топотом и визгливым хихиканьем женщин. Одна рыжуха так и норовила присесть к горцу на колени, но тот предпочитал отшучиваться и ссаживать назойливую красотку. Перед охотой ЭрТар старался не злоупотреблять ни выпивкой, ни иными развлечениями. К тому же распушенность равнинных девок коробила горца, хотя и не настолько, чтобы совсем ими пренебрегать.

¹ Х а л у п к а — длинный дом для слуг и рабов, обычно разделен на две части с отдельными входами. Зачастую к нему по сторонам пристраивают овин и хлев.

Вскоре стремительные летние сумерки заставили горца поблагодарить за гостеприимство и распрощаться. Скваш — коварная штука: голова остается ясной, а тело хмелеет, и пока не встанешь, не поймешь, насколько сильно. На сей раз ЭрТару удалось остановиться вовремя... ну, почти. По крайней мере, пока он дошел до третьего по счету поля, от постыдной вялости в ногах не осталось и следа.

Пестрые закатные разводы постепенно стекали за дальний лес, с запада наползала и густела ночная синева. Жара сменилась прохладой, а там и сырым холодом. ЭрТар разгрузил корлисса, набросил на плечи темно-серую куртку с высоким облегающим воротником, больше напоминающую доспехи, — из пропитанной блестящим составом кожи с нашитыми поверх кольцами, широкими и тонкими, как браслетки на девичью руку. Некоторые охотники носили настоящие кольчуги, но те, по мнению горца, слишком сковывали движения.

Оглядевшись и убедившись, что если за ним и наблюдают, то из деликатной дали, ЭрТар, скрестив ноги, уселся прямо посреди дороги и вытащил из внутреннего кармана куртки небольшую, с ладонь, деревянную коробку брусочком. Внутри плотненько, бок к боку, лежали стрелки — черные вперемешку с красными, отравленными. Охотиться можно с любыми, но для вторых меткость не столь важна, лишь бы зацепить, зато первые вдвое дешевле. Приказчик сказал, что дичи тут много? Значит, красные. Окупятся.

Тиши потоптался рядом, но ложиться не стал. Косился на поле, смаковал ноздрями воздух и возбужденно пофыркивал. ЭрТар и сам трепетал от предвкушения, но тщательная подготовка — прежде всего. Горец ногтем подковырнул тупой конец стрелки, выуживая ее из коробки. Дальше пошло легче. Тринадцать штук охотник сразу зарядил в мыслестрел, бдительно прислушиваясь к щелчкам пружин, еще два семерика переложил в кожаный кармашек при поясе, дважды проверив, чтобы

все лежали остриями вниз. Конечно, помереть от укола не помрешь, но палец опухнет, а то и нарвет. Приятного мало.

Парень захлопнул коробку, перевернул и, вставив кончик ножа в еле заметную щелку, сдвинул панель потайного отделения. Там, обернутые вощенной бумагой, чтобы не бренчали при встряхивании, лежали синие стрелки, купленные у знакомого обережника. Разрешения на них у горца, разумеется, не было, да охотникам его и не выписывали. Тем не менее подобные штучки «на всякий случай» имелись у всех мыслестрельщиков (как витиевато выражался наставник ЭрТара, «даже сестре милосердия не стоит ходить по темным улицам без дубинки»), от ночных сторожей до наемных убийц.

Синенькая отправилась в последнее гнездо мыслестрела. Мало ли кто ночами по дорогам шастает, можно и на беглого каторжника нарваться.

Тем временем небо догорело, и самым ярким пятном в нем стала ущербная луна с тусклым отблеском подлунка справа. Черный силуэт Ориты горной грядой раскинулся на северо-востоке; у ее подножия величаво прогуливались желтоглазые хищники — двойки обережников с факелами.

— Тишш! — ЭрТар за хвост вытянул недовольно взмакнувшего киса из посевов. — Погоди, я ж еще не закончил.

Охотник натянул защитные перчатки, поверх застегнул на правом предплечье браслет мыслестрела. По руке пробежала сладкая дрожь, требовательно ткнулась в плечо, сообщая о готовности оружия. Если у него и впрямь имелась душа, как уверяло большинство мастеров, то эта с тем же успехом могла принадлежать стройной, холодной и надменной брюнетке с повадками дикого корлисса, способного часами лежать в засаде, чтобы потом одним прыжком сломать жертве хребет. Штучная игрушка, из-за которой, собственно, охотник и оказался на мели. Но она того стоила: из легчайшего юлландского

сплава, полностью сливающаяся с рукой, повинующаяся даже не мысли — ее преддверию.

Горец наконец поднялся (кошак тут же радостно юркнул в голенастые стебли) и неспешно побрел по направлению к центру поля, сдержанно поругивая Темного Иггра, научившего людей бражничать. Остец — высокий и густой злак, хотя менее урожайный, чем та же рожь, а требует двукратной ирны. Но именно из остеца делают сусло для скваша, поэтому выращивать его все равно выгодно.

ЭрТар не сделал и семерика шагов, когда наткнулся на пятно более низких и светлых стеблей, заставившее охотника одобрительно покачать головой. У хозяина поля оно наверняка вызывало противоположные и куда более красочные чувства, ибо означало, что здесь завелись крагги. И, если как можно скорее от них не избавиться, с обильным урожаем можно распрощаться.

А вот тут его добыча сидела долго, возможно, несколько ночей подряд. Остец не только резко замедлил рост, но и пожух, скрючил листья и полег, словно ему под корень плеснули кипятком.

Как раз в этот момент одна из крагг, словно решив, что козь их уже вычислили, то можно не таиться, подала голос:

— Пррр... ста, ста! Пррррр... сссхакт! Ссса...

Стрекочащие звуки раскатились над полем, как горсть брошенного на лед пшена. Совсем рядом с охотником, у кромки поля, отозвалась другая, на противоположном краю, хором, еще три или четыре.

— Работаем, Тишш! — ЭрТар набросил кожаный капюшон и туго стянул завязки под подбородком. Людей крагги не едят, но, как и осы, злобно атакуют незваных гостей. Кто-то может выдержать три-четыре укуса, кто-то отдает концы от одного — но такие обычно в охотники не идут. В любом случае удовольствие маленькое — жвала у крагг хоть и слабые, зато преострые, незащищенное тело способны располосовать до костей, вокруг раны

быстро возникает отек, в глазах мутнеет, а сердце начинает колотиться как бешеное.

Шорох стеблей стих. Горец по-прежнему не двигался с места, даже не пытаясь определить, в какую сторону сейчас крадется взявший след кис. Все равно почти никогда не угадывал, только головой крутить и оставалось.

Ага!

Невидимый Тишш сделал охотничью стойку: передняя половина тела припала к земле, кисточка высоко задранного хвоста ярко белеет над зелеными, в темноте кажущимися черной глубокой водой. Охотник в сотый и последний раз провел рукой по застежкам куртки, проверил, свободно ли вращается запястье и не топорщится ли перчатка перед дулами. Вроде порядок.

— Киса, взять!

Кисточка исчезла. Сочно всхлипнули мнущиеся стебли, корлисс визгливо мявкнул, и из «воды» вырвалась первая крагга. Три пары жестких крыльев затрещали флюгерами, поднимая в воздух жирное тельце с растопыренными лапами. Вслед за краггой, не удержавшись, прыгнул кис, пытаясь сбить тварь когтистой пятерней.

— Тишш!!!

Кошак на лету виновато съежился и шумно шлепнулся в остец. Невредимая крагга скрылась в темноте и, судя по звукам, вскоре снова села.

Стрекот оборвался.

Горец не страдал излишней суеверностью, поэтому неудачное начало охоты подпортило ему настроение, но отозвать корлисса не заставило. Пусть другую вынюхивает, засранец хвостатый! Схлопотал бы стрелку в бок, надолго бы отучился под стволы прыгать.

Вторую краггу выслуживающийся кошак нашел и поднял на крыло вдвое быстрее. Охотник вскинул руку с мыслестрелом — пальцы сжаты в кулак, слегка отклоненный вниз, чтобы не заслонял дула на тыльной стороне предплечья, — и стрелка с тихим свистом ушла вдогонку дичи. Настигла или нет — станет ясно через пару минут.

ЭрТар опустил руку и перевел дыхание, бдительно прислушиваясь, не выбивается ли что из общего ветряного шелеста.

Белый «флажок» снова взвился над зеленью, теперь открыто и уверенно двигаясь к горцу. Стебли раздвинулись, и показалась умильная морда корлисса, сжимающего в зубах членистую лапу волочащейся за ним краggi. Тишш аккуратно положил добычу у хозяйских ног и громко заурчал, требуя похвалы.

— Глупая ты скотина, — ласково сказал горец, нагибаясь за добычей. Ишь, отъелась, зараза, одной рукой еле удержать!

ЭрТар вытащил из-за пояса кинжал и, ловко поворачивая его кончиком в сочленениях панциря, отделил голову твари — гладкую, холодную и увесистую, как камень. Кинул в болтающийся на другом боку мешок и равнодушно отбросил тушку — только на удобрение и годится. Ну еще корлиссу в кошки-мышки подурачиться.

— Тишш!

Кошак небрежным взмахом лапы задвинул дохлую краггу себе за бок и обратил на хозяина кристально честные глазищи. Нижние, голубые половины радужек отражали лунный свет, черные верхние словно впитывали. В центре пронзительной желтизной фосфоресцировали зрачки.

— Иди лучше с живыми поиграй.

Кис понятливо муркнул и длинным прыжком скрылся в остее.

ЭрТар прикинул, не подзарядить ли мыслестрел, решил, что ради одной стрелки лезть в карман не стоит, еще успеется. Благосклонно покосился на старательно светившую луну, и вот тут-то началась самая потеха.

Обычно охотнику удавалось поодиночке вспугнуть и застрелить семь-восемь крагг, прежде чем тупые твари соображали, что происходит. Но то ли чем больше стая, тем легче ее переполошить, то ли Тишш нарвался на гнездо, однако на сей раз не было ни кисточки, ни коман-

ды — крагги вспорхнули сами, разом, кучной стайкой в полтора-два семерика: три родителя и только что выбравшееся из-под земли потомство. По размеру молодые крагги почти не отличались от старых, даже казались чуть больше из-за покрывающей их щетины.

Пока ЭрТар ошеломленно пытался сосчитать тварей, на трескучий, лавинообразно усиливающийся шум крыльев поднимались остальные гнезда — словно ветер на одуванчиковую полянку дунул, сорвав в полет семенные пушинки.

Остец торопливой змейкой прошуршал обратно к охотнику. Заметно струхнувший кошак спиной прижался к хозяйским ногам, вопросительно глянул ЭрТару в лицо: «Ну я тебе больше не нужен? Теперь ты их и сам видишь?»

Лучше б не видел!

Горец плашмя рухнул в остец, тут же перекатившись на спину. До сих пор он про такие стаи только байки слышал, причем не геройскую похвальбу, а ночные страшилки. Три, ну четыре семерика на такое поле, и то если его с осени не досматривать! А тут вторую ирну всего месяц назад призывали — чистенькое было, словно храм перед праздничным молебном! Как они умудрились так быстро расплодиться?!

Впрочем, сейчас ЭрТару меньше всего хотелось размышлять о превратностях сельского хозяйства. Из его нынешней позиции раздраженно кружащие над полем крагги казались обычными жуками, затеявшими весенний танец. Пропитка куртки пока скрывала охотника от нюха рассерженных тварей, а цвет — от куда более слабого зрения, но когда они снизятся (а летать крагги не сильно любят), долго разлеживаться не придется.

Тиши до хруста вжался горцу в бок. Шерсть корлисса идеально сливалась с землей и зеленью, у кошака-то как раз больше шансов переждать налет.

ЭрТар машинально прикинул, сколько удалось бы заработать на таком изобилии. Не меньше десяти пол-

новесных браслетов, а то и целые бусы. Корову купить можно.

Кто-то и купит, а на сдачу, из охотничьей солидарности, его захоронит.

Гнезда рассыпались и перемешались, от краев стаи оторвалось несколько клоков, с концами улетев на освоение новых полей. Но патриотично настроенное большинство не прекращало выискивать злоумышленника. На ЭрТара пару раз пахнуло взбитым крыльями ветром, однако твари так стремительно промчались над макушками злаков, что разглядеть горе-охотничков просто не успели.

А вот коршуном упавшая сверху — успела.

Стрелка с хрустом проломила панцирь между растопыренными лапами, на куртку брызнуло крупитчатой жижей, и крагга, закувыркавшись, упала в остец десятью шагами левее горца. Туда же горохом ссыпалась добрая половина стаи, а остальные подтянулись поближе.

Горец до крови закусил губу, почти не ощутив боли. Самообладания у него хватало, но ручаться, что на месте его держало именно оно, а не сковавший тело ужас, он бы не стал. В темноте клубок крагг казался единым многолапым чудищем, от которого до человека было если не рукой, то ногой уж точно подать. ЭрТар слышал, как они там копошатся, шуршат остцом и скрежещут зубами от злости (ну, зубов у крагг, положим, не было, но скрежет получался весьма характерный и выразительный). В таком шуме затерялась бы даже скрипящая на все четыре колеса телега, и горец начал потихоньку отползать в стороночку, взяв курс на, как он надеялся, обочину поля. Только бы не вскочить раньше времени или, того хуже, завопить!

Обследовав труп собрата, крагги расходящимся кольцом продолжили поиски, ненадолго задержавшись на месте, где только что лежал охотник. Куртка курткой, но здесь он дышал, касался земли ладонями и примял стебли, теперь источающие острый аромат сока. Остав-

ленную им дорожку твари тоже заметили, но, в отличие от куда более умных собак, которые кинулись бы в погоню всей развернувшейся веером стаей, по следу крагги поползли цепочкой. Причем каждая приюхивалась самостоятельно, не соображая, что можно просто следовать за вожаком, значительно упрощая и ускоряя дело.

На это ЭрТар и рассчитывал. Если рвануть по дороге с горочки, шагов через четыреста будет старый, давно никем не осеняемый сад. Крагги не любят далеко улетать от гнездового поля, а от дикоцветных земель почему-то и вовсе шарахаются. К лесу, например, даже на полвыстрела не подойдут. Вот только правильно ли они с Тишшем ползут? Ладно еще пересечь поле поперек, но вдоль или наискосок... На мысли о блуждании в остее по кругу горца прошиб холодный пот, а мышцы предательски заныли. Охотник на миг остановился, переводя дыхание и прикидывая, стоит ли рискнуть и высунуться разведать, что там и где.

Это его и спасло. Еще шаг — и ЭрТар уткнулся бы в неподвижно сидящую на земле краггу. Четыре растопыренные, вывернутые коленями наружу лапы подпирали огурцевидное тело, покрытое ломким тараканьим панцирем с наметками чешуй. Тяжелое, мерно пульсирующее брюхо лежало на земле, высасывая из нее животворную силу. Жвала шевелились в такт, как хвост у жующей коровы.

Горец так и застыл с приподнятой ногой, как пес у кустика. Крагга тарачилась, казалось, прямо на охотника. ЭрТар знал, что пока эта тварь жрет, согнать ее с места можно только пинком под зад, однако пустой и одновременно пронизывающий взгляд удовольствия все равно не доставлял. Хоть бы Тишш не вздумал с ней сцепиться! На скрежет и мяуканье сюда вся стая сбежится...

Но дурашливый кошак дураком тем не менее не был, дав задний ход еще раньше хозяина. ЭрТар начал осторожно обползать краггу слева, с тоской осознавая, что окончательно потерял направление. Та же словно изде-

валась над человеком — то переступала лапами, заставляя сердце охотника заплешивать, то расправляла и складывала крылья.

Наконец черный раскоряченный силуэт затерялся в остее. Над головой тоже вроде бы никто не кружил. Охотник привстал на колени, боязливо потянулся вверх... и тут ему в бок с разгону врезался Тишш, с мявом шархнулся, блеснул дурными глазами и, уже не таясь, почесал куда-то в сторону. За ним, задевая брюхами еще бесколосые макушки стеблей, неслись сразу три крагги.

Горец мрачно подумал, что дешевле и быстрее один раз пристрелить паскудного кошака, а рука с оружием уже сама взвилась вверх. Одна крагга сразу выбыла из строя, вторая еще какое-то время трепыхала крыльями, все сильнее вихляясь в стороны, но потом рухнула и она. Пальнуть в третью ЭрТар не успел — четвертая налетела на него самого. Выстрел в упор ее не остановил, пришлось добавить кулаком. На перчатке остались светлые капельки яда, вокруг снова начал нарастать шелестящий гул.

Понимая, что терять уже нечего, охотник вскочил на ноги. Темный Иггр на сей раз пакостил спустя рукава, но и Светлый благодарности не заслуживал: до кромки поля оставалось всего пятнадцать—двадцать шагов, однако сад оказался дальше, чем ЭрТару казалось — выстрелах в двух. Прикидывать, успеет ли он туда добежать, времени не было — горец пригнулся, пропуская над головой разъяренный шестикрылый ветряк, послал ему вслед стрелку и, даже не поглядев, догнала ли, что есть мочи рванул к саду. Остец остервенело лупил охотника по животу и бедрам, путаясь в ногах, и когда наконец закончился, ЭрТару показалось, будто сам Двуетный отвесил ему напутственный пинок под зад. Божественная помощь пришла весьма кстати: горец споткнулся, сделал несколько огромных прыжков, но убежать от земли все равно не сумел и, едва успев сгруппироваться, кубарем покатился с горки.

Крагги приотстали, сбитые с толку человеческим коварством. Самая азартная все-таки вцепилась охотнику в плечо и попыталась прокусить куртку, но была тут же подмята и раздавлена если не в блин, то в лепешку. Только голова щелкать жвалами осталась.

У подножия горки, почувствовав, что качение замедляется, горец вскочил, снова обратив на себя внимание кружащей в небе заразы, и, не отвлекаясь на подсчет синяков, нырнул в холодное дыхание сада.

Добежав до первой грушки, ЭрТар хлопнул по ней ладонью («осалил!»), поймал ствол в крюк локтя и круто развернулся вокруг дерева. Трех крагг снял в упор, еле успевая переводить руку, еще одну — на подлете, парочку — на поспешном улете, а оставшиеся стрелки выпустил уже со злорадным смаком, выбирая цель покрупнее и помедлительнее. Забывшись, даже синенькую усрал; интересно, сдохнет ли от нее крагга хотя бы к утру?

Пять-шесть минут, и небо снова уснуло, оставив неутомный ветер приглядывать за полями. После такой встряски крагг не скоро потянет стрекотать... вот жрать — да, к утру в остее заметно прибавится мертвых пятен.

Горец опустил руку и позволил дрожащим ногам подогнуться, усадив зад в некошеную, холодную и росистую траву. Расползшийся по земле куст красной смороды приподнял ветку и моргнул ЭрТару двуцветными глазами.

— Брысь, — пробормотал горец, но так устало и обреченно, что кошка с мурканьем выкарабкался из тайника и подбежал к хозяину, ткнувшись мордой в колени. ЭрТар словно бы нехотя положил руку ему на загривок, зарыл кончики пальцев в мягкую шерсть, успокаивая корлисса и успокаиваясь сам. Что ж, теперь и ему будет что рассказать впечатлительным молокососам, причем не с чужих слов! Вот только захочется ли?..